

Я хотел мира, но враги навязали мне войну.

Двенадцать сотен их самых сильных сынов и дочерей внимают суровому вождю золотой касты, стоящему между огромными мраморными колоннами. Слушают слова чудовища, которое разожгло пламя, пожирающее мое сердце.

— Люди не сотворены равными! — объявляет он, высокий, властный, с гордой осанкой. — Кроткие не наследуют землю — это рассказы слабаков, привыкших жить за счет сильных. Сладкая ложь демократии, которая разъела человечество, словно раковая опухоль.

Орлиный взгляд вождя впивается в лица курсантов.

— Мы с вами — золото нации, высшая точка эволюции! — продолжает он. — Мы возвышаемся над болотом людской биомассы, указывая путь низшим цветам. Вам предстоит унаследовать эту благородную миссию, — оратор делает паузу, снова обводя взглядом слушателей, — но не даром! Власть не достается просто так. Богатство надо заслужить. Право владеть и повелевать покупается кровью. Изнеженным детишкам не положено ничего. Вы не испытали боли, не заработали шрамов, не знаете, чем жертвовали ваши предки, чтобы вознести вас на вершину... но скоро узнаете. Мы заставим вас понять, почему власть принадлежит золотым. И выживут только те из вас, кто достоин этой власти!

ПИРС БРАУН. АЛОЕ ВОССТАНИЕ

Но я не золотой. Я алый.

Он считает таких, как я, слабаками — тупыми, жалкими недочеловеками. Мы не росли во дворцах, не катались верхом по зеленым лугам, не лакомились паштетом из соловьиных языков. Я выкован в самых недрах этой суровой планеты, меня закалила ненависть, укрепила любовь.

Он ошибается.

Из них не выживет никто.

ЧАСТЬ I

РАБ

На Марсе растет цветок — алый, жесткий, привыкший к ржавой бесплодной почве. Он называется гемантус, что значит «красный цветок».

1

ПРОХОДЧИК

Я сын своего отца — это первое, что вам следует обо мне знать. Когда за ним пришли, я сделал, как он просил: не заплакал — ни когда арест показывали по телевизору, ни когда золотые судили его, ни когда серые вешали. Мать даже ударила меня за это. Стойкость должен был проявить старший брат Киран, а младшему положено реветь. Все получилось ровно наоборот. Когда крошка Эо подбежала и бросила цветок гемантуса в левый сапог моего отца, а затем вернулась к своей семье, брат разревелся, как девчонка. Сестричка Лианна всхлипывала рядом, что-то бормоча, и только я молча смотрел и думал, как плохо умирать, танцуя без бальных туфель.

Сила тяжести на Марсе невелика, и чтобы петля сломала шею, приходится тянуть за ноги. Это разрешают сделать родным.

Собственная вонь бьет в нос. Скафандр-печка из нанопластика покрывает меня с головы до ног, ничего не пропуская ни внутрь, ни наружу — прежде всего тепло. Хуже всего то, что в таком скафандре невозможно вытереть пот со лба. Он пропитывает головную повязку и чертовски жжет глаза, а потом стекает вниз и хлопает в ногах, смешиваясь с мочой, — ну да, а куда деваться? Прикладываться к водяной трубке приходится часто — в скафандре жарко, как в печи, а возиться с моче-приемником неохота. Уж лучше пускай воняет.

Слушая в наушниках болтовню забойщиков, я сижу, прижатый ремнями к креслу на верхушке гигантской металлической клешни, которая вгрызается в грунт на дне глубокой вертикальной штольни. Мои пальцы в перчатках-манипуляторах управляют десятком щупалец, плавящих и сверлящих горную породу в сотне метров под моим креслом. Говорят, пальцы проходчика должны мелькать, как языки пламени. Мои движутся еще быстрее.

В ушах звучат голоса, но здесь, на глубине, я один. Нескончаемая вибрация, эхо собственного дыхания и густая, жаркая обволакивающая вонь.

Струйка соленого пота из-под алой повязки на лбу то и дело заливает воспаленные глаза, покрасневшие в тон рыжим волосам. Машинально поднимаю руку, но натываюсь на стекло лицевого щитка. Три года работы проходчиком так и не отучили меня от привычки вытирать пот со лба.

Стены штольни в сиянии круговых фонарей вспыхивают серно-желтыми маслянистыми бликами. Выше, куда не достает свет, блестят жидким серебром прожилки бесценного гелия-3, но я смотрю не туда, а вглядываюсь в тень, выискивая хищные кольца рудничных гадюк, привлеченных жаром работающего агрегата. Им ничего не стоит прогрызть тонкий пластик, а затем и тело, чтобы отложить яйца в еще теплый человеческий живот. Я хорошо знаю, что такое змеиный укус, и бархатно-черные скользящие силуэты — частые гости моих ночных кошмаров. Гадюки вырастают до огромных размеров, толще бедра и втрое длиннее человеческого роста, но страшнее всего, как ни странно, детеныши, потому что еще не научились экономить яд. Предки этих змей, как и наши, прибыли сюда с Земли, но жизнь в темных недрах Марса изменила их.

Здесь, на глубине, жутковато. Одиноко. Голоса в наушниках перекрывают скрежет буровых коронок, но мои старшие друзья-забойщики далеко отсюда, где-то там, во тьме над моей головой. Вооруженные бурами, они висят на тросах вокруг устья пробитой мною штольни, разрабатывая мелкие жилы гелия-3.

Их работа также требует ловкости и навыка, но главный добытчик в команде все же я. Проходчик. Эта профессия — для людей особого склада, и мастеров моложе меня никто не помнит.

Я в шахте уже три года, а берут на работу с тринадцати. Готов и в постель и в артель, как говорит дядька Нэрол, — ну, не знаю, женился-то я всего полгода назад.

Охватываю щупальцами новую жилу, бережно размягчая и выскребая пустую породу вокруг, гляжу на дисплей, но в мыслях теперь одна только Эо. Иногда трудно представить ее себе иной, чем в детстве, — крошка Эо, окутанная облаком рыжих волос того же красноватого оттенка ржавчины, что и наш родной Марс. Как и я, шестнадцатилетняя, она тоже принадлежит к одному из шахтерских кланов алых, но кажется рожденной из воздуха, из того небесного эфира, на котором вытканы звездные узоры. Впрочем, не знаю, какие они, — ни один алый из шахтерских колоний ни разу не видел звезд.

Крошка Эо. Ее собирались выдать замуж в четырнадцать, как всех, но она предпочла дожидаться меня и надеть на палец обручальную ленту в шестнадцать, когда наступает брачный возраст у мужчин. По ее словам, она с детства знала, что мы поженимся. Я не знал.

— Стой. Стой! — Голос дядьки Нэрولا в наушниках прерывает мои мысли. — Дэрроу! Погоди, парень!

Мои пальцы замирают. Нэрол высоко наверху, с остальными, видит мое продвижение на дисплее своего шлема.

— Что там еще? — спрашиваю недовольно. Не люблю, когда отвлекают.

— Парнишке интересно, что там еще, — усмехается старик Барлоу.

— Газовый карман — вот что! — огрызается Нэрол. Он старшина нашей бригады из двух сотен человек. — Стой, говорят тебе! Вызовем группу сканирования, пускай проверят, пока ты не взорвал нас тут, на хрен.

— Что? — возмущаюсь я. — Газовый карман? Да это газовый прыщ, а не карман! Сам справлюсь.

— В шахте без году неделя, а уже выпендривается, засра-
нец... — сухо продолжает Барлоу. — Вспомни слова наших зо-
лотых вождей: «Молодым следует слушаться старших. Без
терпения нет доблести, без послушания — истинной человече-
ности!»

Я закатываю глаза. Сперва научитесь делать то, что я, а по-
том толкуйте о послушании! У самих ни реакции, ни мозгов,
и меня хотите видеть таким же, особенно дядька.

— Да что время тянуть, — возмущаюсь, — я только разо-
шелся! Если думаете, что там карман, я сам сейчас туда мет-
нусь и проверю все ручным сканером.

Старики вечно твердят об осторожности, как будто она им
хоть раз помогла. Мы не получали лавров уже невесть сколь-
ко лет.

— Хочешь оставить Эо вдовой, сынок? — доносится сквозь
помехи трескучий смешок Барлоу. — Ладно, не возражаю, она
хорошенькая. Давай вскрывай карман. Так и быть, займусь вдо-
вушкой. Я хоть и старый да толстый, а шурф-другой еще про-
бурю.

Его слова встречает дружный хохот двух сотен глоток на-
верху. Костяшки на моих пальцах белеют — так сильно я сжи-
маю кулаки.

— Слушай дядьку Нэрола, Дэрроу! Пусть карманом зай-
мутся сканировщики, — говорит Киран. Старше меня всего на
три года и уже считает себя ветераном. А на самом деле толь-
ко и умеет, что осторожничать. — Не гони, успеется.

— Успеется? Полсмены коту под хвост! — шиплю я в бе-
шенстве. Кретины неповоротливые, никак не хотят понять, что
лавры — вот они, рядом, достаточно руку протянуть. Не верят
мне. — Трусишь, Нэрол?

В наушниках повисает тишина.

Назвать собеседника трусом — не самый лучший способ
склонить его на свою сторону. Зря я это сказал.

— Да пускай его сам измерит! — встревает Лоран, сын Нэ-
рола, мой двоюродный брат. — Не то лавры снова достанутся
Гамме. Сто раз уже нас обходили.

Лавры! Одни на две дюжины кланов в шахтерской колонии Ликос, всего раз в квартал. Лавры — это жрачка от пуза, курева сколько хошь, импортные одеяла с Земли, казенное бухло с акцизной маркой Сообщества, а главное — почет! О победе мечтает каждый, но с незапамятных времен лавры загребают Гамма, а кланам пожиже, вроде нашего, остаются объедки, только чтоб ноги не протянуть. Эо говорит, что лавры — они как морковка, которой начальство трясет у нас перед носом — чтобы тянулись вперед, а достать не могли. Нас называют первопроходцами, но Эо говорит, мы рабы. Только я думаю, мы просто никогда не старались всерьез, боялись рискнуть — и все из-за этих стариков!

— Лоран, заткни пасть! — рычит дядька Нэрол. — Рванет карман, не видать нам этих чертовых лавров до второго пришествия.

Язык у него заплетается. Я почти ощущаю, как от него несет перегаром, несмотря на расстояние и шлем. Нэрол хочет вызвать специалистов, чтобы прикрыть свою задницу. Трус и алкаш, всегда таким был. Кого тут бояться? наших золотых правителей или их серых подручных? Кто узнает? Да никто. Кому это вообще интересно? Да никому. Единственного, кого волновали дела моего дядьки, он сам держал за ноги во время казни.

Нэрол — слабак, бледная тень моего отца. Жалкий пропойца и дристуи, он даже моргает словно бы украдкой, а потом поднимает веки медленно и осторожно, как будто опасается глядеть на мир. Ему нельзя доверять ни в нашей работе, ни в чем бы то ни было. Мать все твердит, чтобы я его слушался и вообще уважал старших. Пускай я уже семейный и стал проходчиком своего клана, но, как она говорит, «пузыри на коже еще не стали мозолями». Что поделаешь, слушаюсь... Но как же это бесит — хуже, чем едкий пот, который не смахнешь с лица!

— Ладно, — угрюмо бормочу я, сжимая кулаки и останавливая щупальца агрегата, пока дядька вызывает начальство из своей уютной кабинки в устье штольни.

Теперь остается только сидеть и ждать... От скуки начинаю считать в уме. До конца смены восемь часов, и чтобы обойти Гамму, мне надо выдавать 156,5 килограмма в час. У сканировщиков на все про все уйдет как минимум часа два с половиной, и выработку в оставшееся время придется поднять до 227 килограммов. Немыслимо. Зато если спуститься самому... тогда лавры точно будут наши!

Интересно, сами-то Нэрол с Барлоу прикинули цифры? Небось в курсе, просто рисковать не хотят, надеются на везение. Вот почему лавры у Гаммы и всегда у нее будут, а наша Лямбда вечно ошивается в середнячках, едва наскребаем на базовый минимум. Ни то ни се, зато осторожности полные штаны. Каждому свое, сложившийся порядок распатывать опасно — мой отец уже убедился в этом, танцуя в петле.

Ради чего вообще стоит рисковать жизнью? Трогаю обручальную ленту из волос и шелка, висящую на шее, и думаю о торчащих ребрах Эо.

К концу месяца они станут еще заметнее, и моя жена снова пойдет побираться по богатым семьям Гаммы, а я буду делать вид, что ничего не знаю. Никогда не наедаюсь досыта, хотя ем много — мне шестнадцать, я еще расту, — а Эо вечно прикидывается, что не хочет. Есть женщины, которые за жратву и цапки продаются крабам — это прозвище серой охраны из гарнизона шахты, — но моя жена не такая. Она не отдаст свое тело, даже чтобы накормить меня... или отдаст? Я бы лично пошел на все, чтобы накормить ее...

Вытянув шею, заглядываю через борт кресла в глубину штольни. Падать придется долго, дно пышет жаром буровых коронок и расплавленной породы. Мысли скачут и путаются в голове, но пальцы, словно сами по себе, уже отстегивают ремни, и я прыгаю со сканером в руке в стометровую пропасть, где поблескивают замершие щупальца агрегата. Чтобы замедлить падение, поочередно отталкиваюсь ногами от стены и вибрирующего корпуса машины, опасливо оглядываясь, нет ли поблизости гадючьего гнезда. Наконец выбрасываю руку и хватаюсь за торчащую скобу прямо над раскаленным докрасна

ЧАСТЬ I. РАБ

металлом. Воздух вокруг дрожит и мерцает. Жар обжигает лицо под щитком, бьет по глазам, отдаваясь болью во всем теле. Малейшая неосторожность, и от меня не останется даже костей. Только осторожность мне ни к чему, я ловкий.

Перебирая руками скобы, медленно спускаюсь ногами вперед в узкий промежуток между щупальцами, чтобы подвести ствол сканера поближе к газовому карману. Жар становится все сильнее, воздух обжигает легкие, дышать почти невозможно. Зря я сюда полез... Голоса в наушниках орут, перебивая друг друга. Наконец, едва не задев горячий металл, подбираюсь к карману... сканер мигает, считывая показания... Что-то бурлит, в нос шибает сладковатая гарь — закипает пластик скафандра. Для проходчика этот запах означает смерть.

2

ПОСЕЛОК

Нанопластик скафандра не справляется с такими температурами. Внешний слой уже почти расплавился, скоро дойдет очередь и до внутреннего. Я едва замечаю, как лампочка сканера вспыхивает серебристым светом — готово. В глазах мутится. Сжавшись от страха, снова перебираю скобы, подтягиваясь вверх, подальше от убийственного жара. Что-то не пускает... зацепился ногой. К горлу подступает паника, смотрю вниз и вижу, как плавится толстая подошва сапога. Первый слой уже расплавился, второй вздулся пузырями, следующей станет моя кожа.

Усилим воли подавляю крик, рвущийся из груди. И тут я вспоминаю о тесаке. Он висит в ножнах на спине — длинный, массивный, изогнутый полумесяцем. Как раз для таких случаев — если надо, можно отхватить ногу. Рукоятка массивная, ухватистая, чтобы не выронить из трясущихся от страха рук. Мои не трясутся — я трижды провожу тесаком по сапогу, отрезая нанопластик вместо собственной ноги. Наклоняясь, я отрываю подошву и случайно задеваю костяшками пальцев буровую коронку щупальца. Острая боль пронизывает руку до самого плеча, в нос бьет запах паленой плоти, но я уже карабкаюсь все дальше и дальше от этого адского пекла, назад к своему наесуту, хохоча во все горло, чтобы не разреветься.

Дядька был прав, а я нет. Только будь я проклят, если это признаю.

— Идиот! — Самый доброжелательный из его комментариев.

— Сумасшедший! Чертов псих! — орет Лоран.

— Остаточный газ, — сухо докладываю я, — иду глубже.

Когда свисток возвещает о конце работы, стволовые спускают трос. Устало выбираюсь из ремней и пристегиваюсь к нему, оставляя агрегат на попечение ночной смены. Взрываю на километровую высоту к устью штольни, потом, сжимая зубы от боли в руке, ковыляю вслед за Кираном и Лораном по гулким пещерам нового горизонта к гравелифту, где уже собрались остальные. Желтые фонари свисают с потолка, словно пауки.

Мой клан и три сотни шахтеров Гаммы уже стоят, заправив носы сапог под стальную решетку на полу огромного прямоугольного гравелифта. Избегая бешеного взгляда дядьки Нэрола и пряча обожженную руку, встаю в строй. Молодежь одобрительно похлопывает меня по спине: они знают мою выработку — она больше, чем у Гаммы. А старые пердуны лишь ворчат и считают нас дураками.

Гравитация преворачивается, лифт взлетает вверх по шестикилометровому главному стволу. Сразу закладывает уши. Какой-то сопляк из Гаммы, явно новичок, позабыл зацепиться за решетку и теперь парит у нас над головами.

— Гляньте-ка, Гамма тут напердела! — хохочет Барлоу.

Хоть оно и мелко, но подловить на чем-нибудь Гамму всегда приятно. У них лавры, они богатенькие, зажрались, вот почему их все презирают. Если мы их теперь обойдем, высмеивать станут нас.

Ладно, хватит. Дергаю мальчишку за штанину и ставлю на пол. Да какой, к чертям, мальчишка — всего на два-три года младше меня.

Чуть не валится с ног от усталости, но при виде моего алого скафандра весь подбирается, отводит глаза — и первым замечает покалеченную руку. Подмигиваю ему — а он небось обоссрался от счастья. Я сам, когда впервые встретил проходчика, смотрел на него как на бога.